

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА

У книг, как и у людей, свои судьбы, свои биографии. Каждому доводилось встречаться с человеком, в котором очень нуждались люди, без которого они просто не могли жить. Вот и книги бывают такие — их читают в трамваях, в сутолоке вокзалов, дома за обедом, в перерывах между лекциями, украдкой на совещаниях. Это очень нужные человеку книги. Те самые, о которых еще Белинский сказал: «Книга есть жизнь нашего времени».

Каждому писателю хочется создать такую книгу. Только вот далеко не каждому это удастся.

В чем секрет создания таких книг?

Секретов много. Но мне хочется поговорить здесь лишь об одном из них — об источнике, которым писатель пользуется для своего творчества. Ведь в народе говорят: что зачерпнешь, то и выпьешь...

Иногда слышишь: такая-то книга автобиографична. По-моему, это не совсем верно. Все произведения имеют самое прямое отношение к биографии писателя, любое произведение пропущено через писательское «я», и в каждом произведении оставлена частица писательской биографии, писательской жизни.

Петр Антонович Бородкин — коренной сибиряк. Деды его жили и

умерли на берегах великой сибирской реки. И сам будущий писатель родился и живет до сих пор в городе Барнауле и работает уже многие годы в краевом государственном архиве. Потому и близка ему историческая тема, потому и чувствует он себя в ней, как рыба в воде.

У Петра Бородкина нет эпических полотен-монографий, нет в его произведениях захватывающих судеб суперменов и вообще нет у него ничего броского, рассчитанного на эффект. В его рассказах и в повести неприкрытая, ничем не прикрашенная жизнь минувших поколений. Барнаул столетней-двухсотлетней давности, работные люди, рудознатцы, мастеровые, беглые и приписные, ярыжки и залетные иностранцы, забившиеся в алтайскую глухомань в поисках длинных рублей да больших чинов. И хоть описывает Бородкин человеческие судьбы далекого прошлого, читателю не безразличны эти люди, может быть, даже далекие его предки.

Не у каждого города, не у каждой области есть свой летописец. А у нас есть! Петр Бородкин стоит связующим звеном между давно минувшим и сегодняшним. Ничто другое так близко не связано с сегодняшним днем, ничто так не влияет на наше настоящее и наше будущее, как историческое прошлое.

Прошлое — это фундамент, на котором мы строим и сегодняшнее и завтрашнее. И Бородину это хорошо известно.

Мне кажется, нет такого человека, которому бы не было интересным прошлое города, района, где он живет. И все мы благодарны Бородину за то, что он приоткрывает завесу времени над юностью нашего города и края.

Тот, кто живет сейчас в Барнауле, не без интереса прочтет, как зарождался наш город в первые послепетровские годы.

«Почти у самой подошвы этого мыса по ярко-зеленому, цветастому травостоя долины беспорядочно разбросалась серыми крапинами небольшая деревенька Усть-Барнаульская.

Избы в ней коренастые, бревенчатые, рублены по-сибирски, в угол, с низкими потолками — для тепла в лютые зимы. Из-за отлогих дощатых крыш с длинными козырьками избы походили на грибы, глубоко утонувшие в речном наносе. В деревеньке проживал люд пришлого звания, что долго слонялся по Руси, как перекати-поле, укрываясь от розысков помещиков, и, в конце концов, нашел прочную зацепку, осел на месте».

Таким был Барнаул в начале тридцатых годов восемнадцатого столетия. И конечно, тот, кто прочтет рассказы Бородинки «На Барна-ауле», «Под царскую руку», «Вечный работник», непременно после этого посмотрит на наш нынешний город совершенно другими глазами. Поистине сказочно просторными и светлыми покажутся ему цеха и фабрики сегодняшних заводов и комбинатов Барнаула.

Вот как описывает Бородин жизнь рабочих людей, находившихся на казарменном положении при заводе:

«Ранним утром казарма содрогалась от барабанного боя. Парни проворно соскакивали с нар, едва продрав глаза, проглатывали скудный завтрак — несколько ложек постного крупяного супа и краюху ржаного хлеба, выходили строить на утреннюю раскомандировку, или повестку, где горные офицеры объявляли рабочий урок на день.

По шестнадцать часов в сутки работал Петрован у плавильных печей, получал за то по 4 копейки.

Не работа — мука ада.

При засыпке печей рудой и углем плавильщика обдавал такой жар, что потрескивала, скручивалась в тугие завитки борода, пересыхало и першило в горле. Когда из печей огненными змеями выползал и растекался по формам-изложницам расплавленный металл, плавильная фабрика наполнялась удушливым горячим туманом. Он до слез точил глаза, раскаленными когтями раздирал грудь, разъедал кожу людям.

Плавильщиков легко узнавали на Барнаульском заводе. Идет человек с разбухшими, как сырмять, веками, филином ухаает в натужном кашле, в честочном зуде до ссадин раздирает грязные руки — говори плавильщик, не ошибешься».

Литейные цеха есть и сейчас на многих наших заводах. Я не специалист по литейному делу, поэтому не берусь описывать разницу в технологии литья. Но за одно ручаюсь: ничего похожего на только что процитированное рабочие нынешних цехов и в кошмарном сне не видывали...

Кто прочитал «Исторические рассказы о Барнауле» Петра Бородинки, у того несомненно сохранятся в памяти имена Ивана Ползунова, изобретателя первой в мире паровой машины, Федора Лелеснова, рудознатца и землепроходца, открывшего знаменитые змеиногорские залежи руд, Поликарпа Залесова и Михаила Лаулина, строителей многих машин на Алтае, создавших подобие первой в России паровой турбины, барнаульского учителя Василия Петрова, ставшего потом крупным ученым и основавшим при Академии наук первый в России физический кабинет... Почти каждому из них посвящен рассказ. А некоторые фамилии переходят из одного рассказа в другой, и читатель встречает их уже как старых знакомых. А о таком рудознатце, как Федор Лелеснов Бородинка написал повесть «Тайны Змеиной горы».

Многие барнаульцы слышали о зна-

менитых шубах-барнаулках. А кто постарше, тот, наверное, и нашивал их. Но далеко не каждый знает судьбу этих шуб, не знает, чем они отличаются от всех других, когда они появились. Не всем известно имя Степана Ивановича Гуляева, человека самобытного и многогранного. Это он открыл в деревне Белокурихе бесплатную водолечебницу на минеральных ключах, это он, будучи начальником отделения частных золотых приисков, занимался и лечением горожан и изобретением средства для изготовления летних ботинок из проклеенной и промасленной холстины, это он впервые изготовил в Барнауле шляпы из отбеленной соломы. И наконец, это он, Степан Иванович Гуляев, изобрел краситель овчин, который не смывается ни мыльной водой, ни щелоком. Вот после этого изобретения на рынке и были в конце прошлого века вытеснены некрашенные дорогостоящие романовские и шадринские шубы.

Много, очень много найдет читатель в рассказах Бородкина познавательного из истории города и нашего края. Может прочитать он и про «человека страшной судьбы» Ивана Тачалова, и про ссыльного народника Штильке, основавшего в Барнауле школьное общество, Народный дом, построившего на свои деньги начальную школу. И еще много о чем. Даже о злополучном барнаульском герострате-брандмейстере Быкове, до тла спалившем пол-Барнаула в мае семнадцатого года...

Но не только о далеком прошлом пишет Петр Бородкин. У него много исторических очерков о более близком минувшем — о революционных событиях и гражданской войне на Алтае. Особого внимания заслуживают очерки об ученике ленинской партийной школы в Лонжюмо Иване Вонифатьевиче При-

сягине, первом секретаре Алтайского губкома партии, о посланце томских большевиков, председателе партизанского Облакома Петре Клавдиевиче Голликове. Большое исследование провел Петр Бородкин о революционных событиях на Алтае в 1905—1907 годах.

Все это познавательно, все это интересно подрастающему поколению, интересно всем любознательным, всем, кому не безразличен край, в котором он живет.

Некоторые писатели страдают из-за отсутствия материала, из-за нехватки тем. От этого они, едва накопив сколько-нибудь заметные жизненные наблюдения, стараются немедленно реализовать их — написать повесть, цикл рассказов, новелл. У Бородкина же на зависть много материала, много заготовок, у него неиссякаемый источник для новых и новых книг.

Порой писатель сам не знает свои сильные и слабые стороны. Мне кажется, что сила Бородкина в его владении неиссякаемым родником далекого и близкого прошлого нашего края. Сила его творчества в исторической достоверности произведений. Пройдут десятилетия, многое из написанного сегодня уйдет безвозвратно. А иные из книг Бородкина все еще будут стоять на полках. Потому что они нужны будут людям. Потому что они — частица прошлого их родного края.

Недавно Петр Антонович Бородкин принят в члены Союза писателей. Пусть же мощно бьет источник твоего творчества, дорогой Петр Антонович! Радуй алтайского читателя новыми открытиями, новыми находками. Больших тебе удачи!